

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/23/7

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: РЕГИОНАЛИЗМ, ЭТНОГРАФИЗМ, ПОЛИТИЗАЦИЯ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

В статье рассматриваются особенности интеграции Украины в пространство Российской империи в конце XVIII – первой четверти XIX в., ее социально-политические и культурные последствия и сопутствующий исторический контекст. Затрагивается вопрос о бытовании понятия «нация» в российском общественном сознании и словесности. Основное внимание сосредоточено на регионализме как основе самоидентификации малороссов и новой черте образа Украины в имперском дискурсе Александровской эпохи. Анализу подвергается ряд журнально-публицистических текстов, их идейное содержание, стилистическая вариативность, жанровые особенности и функции.

Ключевые слова: русская литература, украинская литература, образ Украины, национализм, регионализм, этнографизм.

I

Основной задачей реформ 1764–1785 гг., проведенных малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцевым по инициативе Екатерины II, была интеграция Украины в имперское пространство. Преобразования прошли успешно и, при всей своей болезненности, глубоко изменили как административно-правовую, так и социальную организацию малороссийской жизни (ликвидация казачества, прикрепление крестьян к земле, выделение и официальное утверждение статуса дворянства и т.п.) [1. С. 191–298]. К началу XIX в. большинство населения Украины оказалось прочно встроено в сословную иерархию империи, хотя на этом пути возникало много проблем в виде, например, трудностей с подтверждением дворянского статуса для прежней казачьей старшины, которые сохранялись вплоть до 1830-х гг. Ответом на преобразования часто становился всплеск автономистских движений, актуализировавший приверженность старым традициям. Впрочем, последний из них пришелся на 1780 – начало 1790-х гг. (реакция на крестьянскую и военную реформу). Рубежом здесь выступили разделы Речи Посполитой 1793 и 1795 гг., превратившие прежнюю Гетманщину из окраины империи во внутреннюю территорию и снявшие тем самым вопрос о возможности ее самостоятельного государственного существования.

Период правления Павла I, который основное внимание уделял внутренней политике и считал, что наступило время активного ассимиляционного освоения недавно присоединенных земель (Причерноморье, Крым, Украина, Польша, Аляска), дал, казалось бы, надежды на восстановление частичной автономии Украины: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества были упразднены и образована единая Малороссийская губерния,

территориальные границы которой совпадали с границами Гетманщины, была возобновлена прежняя система судопроизводства [2. С. 407–433].

Однако период «реставрации» оказался недолог и канул в невозвратимое прошлое с восшествием на престол Александра I. В Манифесте 1801 г. император особо подчеркнул свою приверженность политическому курсу Екатерины II. Это нашло проявление в украинской политике: Малороссийская губерния вновь была разделена на Черниговскую и Полтавскую, традиционная система судопроизводства отменена, ориентация на создание единой общеимперской системы административных институтов заявила о себе с прежней силой [3. С. 65–95]. Однако местные своды законов, представлявшие порой своеобразное смешение Литовского устава, обычного права и элементов магдебургского (в городской среде), частично сохранялись на протяжении всего периода правления Александра I и полностью вышли из употребления лишь в 1840-х гг.

Вступившая в завершающую фазу интеграция ознаменовалась духом лояльности со стороны украинского общества. Он был крайне важен для столичной власти, выстраивающей свои отношения с разнообразными этносами согласно особой «неофициальной» иерархии, основанной на степени родственности по вере и происхождению [4. С. 125–144]. Для «близкой» дворянской элиты Малороссии, в которую окончательно превратилась казачья старшина, а также шляхетство как Левобережной, так и – после разделов Речи Посполитой – Правобережной Украины, это оборачивалось немалыми возможностями в плане построения карьеры, в том числе связанной с образованием и культурой [5–7. С. 39–66]. В период александровского царствования спорадическое проникновение украинцев в высшие культурно-политические сферы империи сменилось постоянным и массовым их участием в жизни метрополии. Даже если говорить только о писателях и журналистах, то их ряд будет чрезвычайно обширен – В.В. Капнист, И.П. Котляревский, А.А. Палицын, Н.И. Гнедич, М.Т. Каченовский, В.Т. Нарезный, И.А. Кованько, Е.А. Болховитинов, В.И. Туманский, П.П. Свиньин, Н.А. Цертелев и мн. др. [8]. При этом сами выходцы из Малороссии уже не воспринимали себя носителями иной этногосударственной идентичности, их самосознание можно определить как регионализм.

Показательным образцом здесь выступает В.В. Капнист, представитель старшего поколения ассимилированных украинцев, «образованный и политически ангажированный человек, укорененный, с одной стороны, в просвещенном и близком ко двору петербургском обществе, с другой – в оппозиционном украинском дворянстве, уважаемый лично и Екатериной II, и Павлом I и тем не менее желавший всеми средствами, включая конспиративные, восстановить прежний статус своей украинской родины» [9. С. 401]. Сын полковника В.П. Капниста, представитель казачьей «аристократии» и владелец большого поместья, В.В. Капнист с ранней молодости оказался включен в столичную культурную среду и благодаря поддержке кружка Н.А. Львова – Г.Р. Державина получил возможность сделать блестящую имперскую карьеру, чем, однако, воспользовался лишь отчасти, рано уйдя в отставку и посвятив себя деятельности на выборных должностях – предводителя дворянства Миргородского уезда (с 1782 г.), дворянского маршала Киевской губернии (с

1785 г.), товарища предводителя дворянства (с 1802) и предводителя дворянства (1817–1822 гг.) Полтавской губернии и др. В этом качестве он нередко выступал с патриотическими проектами о восстановлении казачьих войск, о расширении прав и свобод украинского дворянства, в том числе не чуждаясь внешнеполитических интриг¹. Тем не менее его имперскую лояльность вряд ли можно поставить под сомнение, доказательством чему служит и поэтическое творчество (от «Оды на истребление в России звания раба Екатериною Второю» 1786 г. до «Оды на всерадостное известие о покорении Парижа» 1814 г.), и письма, в которых В.В. Капнист нередко высказывал критическое отношение к столице, но одновременно с гордостью сообщал о близости ко двору («Она <Екатерина II> сказала, что нашла в Малороссии только одного человека: меня» [11. Т. 2. С. 317]).

Схожую судьбу и мировоззренческие ориентации демонстрируют биографические свидетельства многих украинцев старшего поколения – А.И. Чепы, полтавского уроженца, секретаря генерал-губернатора П.А. Румянцева, а в начале XIX в. почт-директора, ревностного собирателя документов украинской старины, В.Г. Полетики, энциклопедиста и полиглота, наследника автономистских идеалов отца Г.А. Полетики – и исправного офицера и имперского чиновника, М.Ф. Берлинского, долгие годы прослужившего учителем в киевской гимназии и работавшего одновременно над украинской («Историческое описание Малороссии и города Киева») и русской историей («История Российская для употребления юношеству» [12. С. 257; 13. С. 59–63; 14. С. 5–20]). Для следующего поколения, пришедшего в культурную и общественную деятельность в годы александровского царствования, острота противоречий между региональным и имперским уровнем идентичности была уже не столь характерна, как, например, для Н.И. Гнедича, поклонника греческой Античности, служащего Императорской публичной библиотеки и обладателя небольшого поместья на Украине, которое он любил и часто посещал, не высказывая, однако, активного местного патриотизма.

Укрепление имперской лояльности со стороны малороссийской элиты сопровождалось также существенными изменениями в идеологии самой метрополии. Первые десятилетия XIX в. ознаменовались становлением русского национализма, для которого этнические и вероисповедные различия обретали новый смысл, в отличие от абсолютистской идеологии времен Екатерины II и Павла I. Государство-нация шло на смену государству-империи, основанному на наднациональной приверженности подданных (в лице дворянской элиты) монарху [15, 16]. Рождение русского национализма, впервые отчетливо заявившего о себе в 1800-х гг. в трудах Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки, А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина [17], стало ответом на новую историческую ситуацию – необходимость конкурировать с Англией и особенно Францией, быстро шедших по пути нацистроительства. Французская революционная Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозглашала: «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один

¹ См. в этом контексте об авантюрной попытке В.В. Капниста воспользоваться событиями русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и заручиться поддержкой Пруссии для восстановления автономии Гетманщины [10. Т. 4. С. 220–259].

индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации» [18. С. 26–27]¹. В истоках этой формулы лежала концепция общественного договора Ж.Ж. Руссо, вводившая в политический оборот категорию нации как органической общности, связанной единым характером, культурой и законами². Усвоение данного круга идей шло в отечественной сентиментальной культуре весьма прихотливыми путями, приведшими, например, Н.М. Карамзина, автора космополитических «Писем русского путешественника», к умеренным националистическим прокламациям уже к началу 1800-х гг., а убежденного антирусоиста Ф.В. Ростопчина – к использованию мыслей французского философа как фундамента патриотической пропаганды³.

Не менее сложную картину представляла рецепция немецких интеллектуальных построений, связанных с проблемами нациестроительства – философии истории И.Г. Гердера, патриотической публицистики И.Г. Циммермана, И.Г. Фихте, Ф.В. Гумбольдта, Э.М. Арндта. Немецкий опыт в каком-то смысле был ближе российскому: он рождался не из необходимости осмыслить уже существующие формы национального государства, а из потребности создать его идеал. Для Германии этот идеал выступил объединяющей патриотической силой во время наполеоновских походов, для России он становился инструментом подспудной трансформации монархической идеологии. Примечательно, что жесткие формы немецкой националистической риторики И.Г. Фихте или Э.М. Арндта были актуальными для российской культуры лишь на короткий период – накануне и в течение Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. [24], зато более обобщенный вариант «гуманистического» национализма, замешанного на идеях И.Г. Гердера, оказал долговременное и глубокое влияние⁴. Ключевым в его трудах стала мысль о национальном характере: «...во всех земных делах людей очень многое зависит от времени и места и от различий в характере наций, ибо самое главное – характер народа» [31. С. 313]. При этом народный характер объявлялся неким «генетическим духом», вещью странной и поразительной, не поддающейся рациональному объяснению. Из рассуждений о существовании «неуловимого» национального характера вытекал значимый политический вывод: «...и самое естественное государство – такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером» [31. С. 250]. Постулированная немецким философом мысль о неразрывной связи национального характера и национального государства превращала концепцию Ж.Ж. Руссо, скомпрометированную для русских авторов ее ролью в подготовке Великой французской революции, в приемлемый и плодотворный инструмент обоснования новой системы взглядов. Этот гердеровский компонент неизменно присутствовал в лингвистических,

¹ См. подробнее о роли Великой французской революции в становлении националистических движений Европы [19].

² См. подробнее о влиянии идей Руссо на становление европейских националистических идеологий [20. С. 183–199; 21. С. 111–128].

³ См. подробнее глубокий анализ данных мировоззренческих трансформаций [22. С. 114–140; 23. С. 383–445].

⁴ См. подробнее о влиянии идей Гердера на формирование русского национализма [25. С. 3–20; 26. С. 237–269; 27. С. 8–53; 28. С. 188–215; 29; 30. С. 174–217].

исторических и литературных построениях 1800–1810-х гг., апеллировавших к русскому характеру, к народу как органическому целому, питая растущий интерес к национальному фольклору, истории, обычаям и культуре [32. С. 284–325; 33. С. 446–600].

Впрочем, и в политической практике категория нации обнаружила свою актуальность, чему, с одной стороны, способствовали реформаторские планы раннего александровского царствования, а с другой – необходимость учитывать современный европейский контекст. Политика Наполеона на оккупированных территориях дала яркий пример плодотворности националистической пропаганды для привлечения симпатий местного населения, хотя, на ином полюсе, в ряде стран – Испании, Италии, Германии, а в 1812 г. и в России – вторжение наполеоновской армии привело к ощутимому росту национально-го самосознания. Так, вступив в Берлин, Наполеон обратился не к элите, а к третьему сословию, к простым горожанам: «Добрый берлинский народ является жертвой войны, в то время как ее виновники спаслись. Но я настолько унижу эту дворцовую власть, что ей придется просить подавания» [34. С. 262]. Однако если берлинский народ, по замечанию Е.В. Тарле, «встречал императора боязливо» [35. С. 186], то в Польше Наполеона приветствовали как освободителя, поскольку обещания французского императора полностью соответствовали чаяниям местных патриотов, жаждущих восстановления Речи Посполитой.

После образования в 1807 г. Великого Герцогства Варшавского, утверждения его конституции и избрания парламента эти надежды, казалось, начали воплощаться в жизнь, став источником польского мифа о Наполеоне-освободителе [36. С. 190–204; 37. С. 99–107]. Ответом на политику Наполеона явились российские проекты А. Чарторыйского, М.Б. Барклая де Толли, К. Фуля, М.К. Огинского и ряд других, предусматривавших – в разной степени – восстановление польской автономии [38. С. 46–59]. Подобные документы вольно или невольно заимствовали определенные элементы политических представлений, связанных с категорией нации, чему свидетельством может служить, например, письмо Александра I А. Чарторыйскому от 31 января (12 февраля) 1811 г., в котором император высказывал свои соображения по польскому вопросу и предлагал, чтобы чиновничество и армия были «чисто национальными, польскими» [39. Т. 5. С. 56–57].

Эти дискурсивно-идеологические формулы нужно рассматривать как часть общего движения имперской политической мысли 1800–1810-х гг., нацеленного на обсуждение предполагаемых реформ. В подобном контексте понятие нации и его содержательные аналоги фигурируют в письмах и документах Александра I и его советников-реформаторов (А. Чарторыйского, Н.Н. Новосильцева, П.А. Строганова, в том числе и украинца В.П. Кочубея, позднее М.М. Сперанского) с 1790-х гг.¹ и получают вскоре широкое распространение среди культурной элиты, даже далекой от политики, о чем говорит, например, письмо В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.: «Читая русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую

¹ См. письмо великого князя Александра Павловича Лагарпу от 27 сентября 1797 г. [40. Т. 1. С. 88], а также суждение М.М. Сперанского [41. С. 154].

русскую историю; но в истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения, и со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют нацию. Читая историю в этом отношении, то есть наблюдая, каким образом воспитатель могущий народов (Судьба, Провидение, Творец) образовал их характер, увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное» [42. Т. 4. С. 468–469].

В целом, однако, категория нации, как констатирует А.И. Миллер, в период александровского царствования ассоциировалась скорее с «понятиями свободы, конституции и представительства» [43. С. 15], нежели со сферой культуры и истории, где более активно употреблялись понятия народа и народности [44. С. 108–122; 45. С. 42–66].

Тем самым можно выделить, по крайней мере, три направления, по которым трансформировался образ Украины в российском общественном сознании и словесности 1800 – начала 1820-х гг. По мере интеграции Малороссии в имперскую административно-политическую, социальную и культурную систему постепенно ослаблялись акценты на различие, на смену им приходило внимание к сходству, что становилось почвой для регионализма, для мышления категориями местного своеобразия. Регионализм активно проявился и на уровне социокультурной самоидентификации выходцев из Малороссии, что ощущается, например, в публицистическом и эпистолярном дискурсе, и на уровне исторического нарратива, стремящегося, в отличие от украинских летописей XVIII в., к единому рассмотрению местной и имперской истории, и на уровне литературы и журналистики, переходящих на русский язык и встраивающихся в общий литературный процесс. Тем не менее украинский регионализм александровского времени, как и осмысление Малороссии носителями имперской культуры, уже претерпел глубокое влияние руссоистско-гердеровских представлений, что нацеливало на поиск определяющих особенностей национального характера, отзывающихся в местной истории, фольклоре, бытовой сфере, языке. Обращение к культурным истокам, исходящее из представления о единстве – вплоть до тождества – русского и украинского начал, в свете которого Малороссия представляла славянским «заповедником древностей», на другом полюсе придавало актуальность местному колориту и препятствовало полному снятию системы различий своего и чужого. В перспективе это работало на реанимацию регионального патриотизма с возможностью его трансформации уже в новое национальное самосознание, в мышление категориями нации с их политическим контекстом в виде «свободы, конституции и представительства». Тем самым интенсивно развивающаяся украинская «археология» 1800 – начала 1820-х гг., представленная широким кругом авторов от М.Ф. Берлинского до И.Г. Кулжинского, была частью общего идеологического комплекса, актуализированного проектами александровских реформ и нашедшего свое развитие в обсуждении «польского вопроса». После провозглашения в 1815 г. Царства Польского

статус Украины как интегрированной части империи проблематизировался, что подвигло и местных и российских авторов к интенсивному переосмыслению польско-украинских отношений, в свете которых обойтись без темы национального государства (а не только национального характера) было невозможно. Так, действуя в едином комплексе, регионализм, этнографизм и политизация определяли ведущие особенности конструирования украинского «другого» в имперском дискурсе Александровской эпохи.

II

Как горько, но трезво заметил в 1811 г. А.И. Мартос, автор неизданной «Истории Малороссии» и горячий украинский патриот: «...имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существованием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций» [46. Т. 7. С. 345].

Эта констатация подводила своеобразный итог поискам идеологических формул для определения украинской государственности, столь напряженно происходившим во второй половине XVIII в. (архаическое варварство, полукцивилизованная, но обреченная на падение вольница и иерархическая дворянская республика [47. С. 478–517]). К 1800-м гг. все они приобрели «музейный» статус, поскольку относились лишь к невозвратно ушедшему прошлому страны, представавшей ныне как интегрированная часть империи, а уже в этом качестве – как ее древняя прародина, населенная «народом, поющим и пляшущим». Функционирование данного образа в имперской культуре и возможности его трансформации с позиции самих малороссов, чью идентичность подобное идиллическое клише передавало весьма ущербно, определялись в период александровского царствования особенностями регионализма.

Украинский регионализм первой четверти XIX в. явился новым плодотворным способом общественной самоорганизации, адекватным имперским реалиям, существованию «наряду с прочими». Он позволял перевести категории политические, утратившие актуальность, в комплекс социальных и культурных запросов, которые метрополия должна была учитывать, выстраивая отношения с местным населением. Как справедливо констатировал Эндрю Хюрелл, «регионализм анализируется в таких категориях, как социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; <...> совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность» [48. С. 333]¹. Образ Украины, создаваемый совокупными усилиями региональных авторов, очень полно отвечал этим критериям.

Функцию социальной консолидации, которую в сословной империи можно рассматривать только в пределах тех или иных страт – дворянства, крестьянства, городского мещанства, купечества, духовенства, в дискурсивном пла-

¹ Подробнее о конституирующих особенностях регионального самосознания и саморепрезентации см.: [49, 50, 51, 52].

не успешно выполняли разнообразные «записки», с одной стороны, отражавшие общие сословные запросы, а с другой – рисовавшие современный облик украинского общества, далекий от идилличности «песен и плясок». Образцом здесь могут выступить критические, иногда даже памфлетные «Замечания до Малой России принадлежащие», написанные, по предположению О.М. Бодянского, неким черниговским шляхтичем в 1802 или 1803 г. [53. Т. 1, ч. 2]. Они последовательно обзоредали различные стороны украинской жизни от функционирования местных судов и организации выборов в губернских городах до состояния дорог, мельниц, разрешений на винокурение и пр. Общая точка зрения автора – проимперская, отвергавшая какую бы то ни было возможность малороссийской автономии, но неизменно заинтересованная в развитии региона и преодолении им периферийности, провинциальности, путь к чему виделся в унификации социально-экономической сферы по российскому образцу. Выводы «Записок» однозначны: «Соображая и сравнивая все вышеописанные замечания с действительным существом и состоянием Малая России, примечательный и беспристрастный наблюдатель найдет, что Малороссийская губерния в добронравии, в просвещении, в общежитии, в хозяйстве, в торговле, в рукоделии и во всем благоустройстве от всех прочих губерний отстала и во всем их хуже. <...> Если примечательный, бдительный и на все хозяйским и патриотическим глазом взирающий губернатор будет во время обозрения своей губернии во все вышезамеченное входить и везде останавливаться, то, хотя не скоро, Малороссийская губерния примет порядочный вид» [54. Т. 1. С. 51–53].

Подобная вьедливость вкупе с развитыми традициями дворянского и городского самоуправления, идущими еще от Речи Посполитой и Гетманщины [55; 56. С. 169–226; 57. Т. 1. С. 82–98, 510–521; 58], а также с культурой местного меценатства, проявившейся, в частности, в основании Харьковского университета (пожертвования В.Н. Каразина и местных дворян) и нежинской Гимназии высших наук (наследство А.А. и дар И.А. Безбородко) [59. С. 53–202; 60], являлась мощной основой для региональной консолидации, под действие которой попадали и представители имперской культуры – от генерал-губернаторов Малороссии Я.И. Лобанова-Ростовского, Н.Г. Репнина, заражавшихся местным патриотизмом [3. С. 95–107; 108–173], до русских ученых и писателей, очарованных «полуденным краем» и его историей, как И.Е. Срезневский или А.А. Палицын.

Нацеленность на решение конкретных проблем определяла многочисленные «записки» начала XIX в. («Записка о малороссийских чинах», «Записка о нуждах малороссийского дворянства», «Записка о малороссийском дворянстве», «Записка генерального судьи Акимя Семеновича Сулимы» и др. [61. 65–97]), предназначенные как для подачи в высшие инстанции, так и для публичного хождения. В них апелляция к украинскому прошлому, напоминание о времени Гетманщины использовалось для достижения локальных прагматических целей – отстаивания прав и привилегий того или иного сословия, прежде всего дворянской элиты, которая рассматривалась уже как неотделимая и лояльная часть имперского дворянства.

Так, «Записка о малороссийском дворянстве», подготовленная в 1809 г. В.Г. Полетикой для представления генерал-губернатору Я.И. Лобанову-

Ростовскому и через него Александру I, становилась своеобразной просьбой о монаршей защите перед Геральдической комиссией: «Сто пятьдесят пять лет проходит, как малороссийский народ, чувствуя таковые милости, служит им (российским государям. – *В.К., Т.В.*) верно и радетельно <...>. И малороссийское дворянство, присоединившееся добровольно к россиянам, как к единокордным и единоверным братьям своим, и служившее купно с ними так верно и так долго престолу и отечеству, могло ли ожидать за свои воинские доблести, за услуги, оказанные им и запечатленные кровию, столь обидного для себя унижения?» [62. С. 7–8].

Прямое обращение к императору, сопровождаемое указанием на особые заслуги, свидетельствовало о восприятии себя правомочным субъектом российской элиты, испытывающим особую гордость и за свершения империи, и за свою причастность к ним. В письме В.Г. Полетики А.И. Чепе от 2 февраля 1810 г. мы найдем и выразительный комментарий к результатам поданной «Записки»: «Недавно наслаждался я приятною вестию, что государь император по докладу нашего генерал-губернатора повелел герольдии признавать малороссийское дворянство по чинам нашим и другим доказательствам в древнем благородном его достоинстве. Весть сия сладка сердцу моему. Верьте тому, что я люблю отечество – люблю соотчичей моих больше самого себя» [63. С. 56].

Местный патриотизм здесь вырастает из признания высшей властью, из желания и возможности занять особое место в круге ее интересов, питая в том числе и далеко идущие надежды на создание некоего подобия российского парламента и активное участие украинцев в его работе, как это было при Г.А. Полетике, депутате Комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767–1768 гг.: «Здесь сверх сего носится слух, что перед обнародованием и введением в употребление первой уже вышедшей части нового государственного уложения призваны будут в конгресс российских на особых правах состоящих губерний обитатели для изъявления своего согласия на принятие для себя сего уложения. На сем поприще возобновится память прежних незабвенных во веки наших патриотов. Щастливы будем, ежели увидим новых, защищающих с тем же усердием права, преимущества, вольности и свободы своего отечества» [63. С. 56–57].

Стилистические варианты подобной саморепрезентации варьировались в весьма широком диапазоне от классицистического акцента на долге, служении, воинских заслугах, который определял установки В.Г. Полетики, до сентиментальной сосредоточенности на особых чувствах к родине – большой и малой. В публицистическом дискурсе показательный образец являет «Речь на основание в городе Харькове университета» В.Н. Каразина, опубликованная в 1803 г.: «Приятно возвращение в свою отчизну: и дым отечества сладок! Если дикий гренландец <...> с восторгом лобызает замерзший морской берег, который есть его отечество <...> то каково должно быть удовольствие человека, возвратившегося под благотворнейший небосклон, который был свидетелем игр и утех его детства – исторгнувшегося от шума столиц, коего мирное его сердце всегда ужасалось, в страну, которую привык он почитать своим Эдемом, обиталищем невинности, дружбы и спокойствия. <...> Сие чувство радости и надежды, упоявшее меня уже при посещении края моего рождения, угодно вам было усугубить благосклоннейшим приемом, которого вы меня удостоили в первое

собрание, когда я представил вам предначертание того учреждения, коим вы хотите украсить свою страну – отличить ее в пространной России. <...> Вся жизнь моя <...> принадлежит моему отечеству, но в особенности краю, который был отечеством для понятий моей юности <...>. Блажен уже стократно, если случай поставил меня в возможность сделать малейшее добро любезной моей Украине, которой пользы столь тесно в понятии моем сопряжены с пользами исполинской России» [63. С. 235–238].

Эта речь, выдержанная в канонах «чувствительной» риторики и напечатанная в популярном карамзинском журнале, программно представляла широкой аудитории новую Украину и существенно отличалась по своим установкам как от источников екатерининской эпохи и наследовавших им «записок» 1800-х гг., так и от стереотипов идиллических путешествий в «полуденный край» империи. Она полностью свободна от полемики с казацким прошлым Малороссии и рисует облик ее настоящего и будущего, неотрывного от России, заменяя категории историко-политические понятиями географическими, в свете которых «исполинская», «пространная» империя складывается из малых регионов, чем-либо «отличных». Одним из важнейших маркеров подобного различия выступала оппозиция столица / провинция («шум столиц» / «обиталище невинности, дружбы и спокойствия»), чрезвычайно плодотворная в сентиментальном дискурсе¹.

В ее рамках провинции отводилась обычно роль хранителя естественности, простоты нравов, близости к природе, столь сродных уже утвердившемуся образу украинцев как «народа поющего и пляшущего». Однако в случае В.Н. Каразина, предвещавшем формирование новой дискурсивной стратегии, Украина предстала в облике будущего просвещенного и европеизированного культурного центра и тем самым подтягивалась к столице, не теряя своих органических корней. Здесь чувствуется очевидная параллель гердеровским мыслям об исторической роли славянства, которое должно войти в ряд ведущих цивилизованных народов [31. С. 471].

«Так, милостивые государи, – утверждал В.Н. Каразин, – я смею думать, что губерния наша предназначена разлить вокруг себя чувство изящности и просвещение. Она может быть для России то, что древние Афины для Греции. Местное положение делает ее средоточием полуденных, плодороднейших земель. Богатство собственных произведений <...> призывает к нам людей, которые, наслаждаясь нашими благами <...> дали бы нам в замену вкушать плоды своего ума, своего искусства, своих промыслов. <...> Науки и искусства водворятся в нашей отчизне <...>. Я смел еще мечтать, что необыкновенное стечение народа украсит, распространит сей город и зависящие от него – наполнит их всеми утехами, свойственными просвещенному обществу; что богатства всех краев России польются к нам рекою <...>» [63. С. 238–240]².

¹ Видоизменившись, она перейдет в дальнейшем к романтикам (ср. «Письмо украинца из столицы» О.М. Сомова, опубликованное в «Украинском вестнике» (1818. Ч. 9, кн. 2. С. 220–227) и классический свой облик найдет в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» (а на русском материале в «Ревизоре» и «Мертвых душах») [64. С. 391–401; 65. 101–110].

² Своеобразным откликом на это предсказание стала через несколько лет эпиграмма А.Н. Нахимова «Просветители»:

При всей своей утопичности идеальная программа, провозглашенная основателем первого украинского университета, актуализировала новые социокультурные запросы, связанные с участием региона в имперском строительстве. Многие ее элементы реализовались как местными деятелями, так и представителями Малороссии в столицах, не только занятых административной или просветительской работой на благо метрополии, но и уделявших значительное внимание развитию «батьківщині» (И.А. Безбородко, В.П. Кочубей, Д.П. Трошинский, В.В. Капнист, А.А. Палицын и др.). Очагами культуртрегерской активности, получавшими достаточно широкую известность и определявшими российское восприятие современной Украины, становились учебные заведения – Харьковский университет, Гимназия высших наук в Нежине, связанные с ними печатные органы и научно-просветительские организации, в частности Филотехническое общество (1810–1819 гг.) под руководством В.Н. Каразина, поместья меценатов-просветителей, такие как Поповка («Поповский кружок» А.А. Палицына), а в особенности Кибинцы и Диканька, где усилиями соответственно Д.П. Трошинского и В.П. Кочубея к 1810–1820-м гг. были собраны большие библиотеки, коллекции разнообразных артефактов, организовывались театры и гостили многие известные деятели российской и, конечно, украинской культуры. Все эти локусы и персоналии получали определенное отражение в журнально-публицистической словесности, составляя актуальный срез образа Малороссии¹, и обладали существенным потенциалом для символического углубления в литературе художественной, что произошло, например, с образом Обуховки, поместья В.В. Капниста, воспетого его владельцем, а позднее – с образом Диканьки у А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

Одним из наиболее эффективных средств изменения регионального «имиджа» стало издание при недавно основанном Харьковском университете нескольких журналов – «Харьковского Демокрита» В.Г. Масловича (1816), «Украинского вестника» Е.М. Филомафитского, Р.Т. Гонорского и, на первых порах, Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1816–1819 гг.) и «Украинского журнала» А.В. Склабовского (1824–1825 гг.), сосредоточивших вокруг себя видных украинских эстетиков, историков, естествоиспытателей и писателей². Будучи тесно связанными со столичной прессой, в частности с «Благонамеренным», «Вестником Европы», издававшимся в тот период выпускником Харьковско-го коллегиума М.Т. Каченовским³, «Соревнователем просвещения и благотворения», они имели цель донести до широкой публики новый круг интере-

Чтоб мрачную страну наукой озарить,
Ученых множество в Украину валит.
Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? Мундирные петлицы [66].

¹ О деятельности харьковского Филотехнического общества регулярно извещал «Вестник Европы» М.Т. Каченовского (1811. Ч. 59, № 19. С. 259–290; № 20. С. 318–329; 1812. Ч. 61. № 2. С. 143–156; 1813. Ч. 67, № ½. С. 3–35; 1817. Ч. 95, № 19. С. 199–214 и др.).

² См. общий обзор харьковских журналов [59. С. 751–787; 67. С. 32–79; 68. С. 220–229].

³ «Вестник Европы» регулярно помещал объявления о выходе украинских журналов и обращения к их издателям (1816. Ч. 85, №1. С. 77–80; 1817. Ч. 91, № 1. С. 80; 1818. Ч. 100, № 13. С. 39–51; 1818. Ч. 102, № 24. С. 317 и др.), а сам М.Т. Каченовский печатал некоторые статьи под псевдонимом Киевский житель (например: 1819. Ч. 103, № 2. С. 117–132; № 3. С. 198–208; № 4. С. 289–298; № 5. С. 45–53; № 6. С. 124–136).

сов ее образованного сословия. Хотя популярность журналов оказалась весьма скромной, она была не меньшей, чем у многих столичных изданий: тираж от 200 до 500 экземпляров распространялся, судя по ряду подписчиков, от Санкт-Петербурга до Иркутска. Нужно подчеркнуть, однако, что журналы предназначались как для «внешнего», великорусского читателя, так и для местной аудитории, выполняя здесь культуртрегерские функции, для чего часть экземпляров распространялась бесплатно.

Соотношение двух ориентиров существенно менялось. Так, первый журнал «Харьковский Демокрит» позиционировался как сугубо региональное издание, о чем предупреждал издатель В.Г. Маслович¹: «За долг особенный полагаю упомянуть здесь о том, что сей журнал будет наполняться произведениями нашего края. Издатель позволяет себе помещать и напечатанные пиэсы, но только те, коих сочинители принадлежат нашему же краю. Во-первых, для того, дабы познакомить отдаленных читателей сего журнала (издатель льстит себя надеждою, что таковые найдутся) с произведениями нашими, а во-вторых, дабы совершенно соблюсти название Харьковского Демокрита» [70. С. 2–3].

Однако уже в «Украинском вестнике» чужое и свое вполне уравнивали друг друга: состав авторов был местным, но тематика и жанровая система ориентировались на общерусские образцы. Регионально-краеведческий элемент занимал здесь достойное, однако не доминирующее положение, так же как и в «Украинском журнале», хотя издатель последнего настаивал во вступительной статье: «Для жителя Украйны как ни занимательны все русские журналы, но он, без сомнения, с большею охотою и любопытством читал бы такие, которые бы принадлежали собственно Украйне. То же можно сказать не только о какой-либо стране вообще, но и о каждом городе в особенности» [71].

Показательно, что установки издателей находили отклик в местной образованной среде, заинтересованной в развитии края и утверждении его как значимого элемента имперской культурной географии. Такую цель перед «Украинским журналом» ставил, в частности, П.П. Белецкий-Носенко, писатель и педагог, содержатель Прилуцкого пансиона и пропагандист малороссийского наречия, автор «Сказок на малороссийском языке» (1812), «Баллад на малороссийском языке» (1822–1829) и «Словаря малороссийского или юго-восточного русского языка» (1841–1842):

Цель журналов вообще доставлять удовольствие и пользу. Мне кажется, Украинский журнал достигнет их сугубо, если несколько страниц его посвятится для удовольствия миллионов обывателей плодотворной Украйны (на малороссийском языке) от гор Карпатских до тихого Дона. Я смело могу уверить, что сказочки г. Артемовского-Гулака читались с таким же неописанным удовольствием, как Энеида г. Котляревского, что многие вытвердили на память целые тирады из них, что Петербург и Москва слушают с восторгом наши песни на театрах и что язык малороссийский всегда будет нравиться людям образованным и ученым филологам, как служащий корнем многим словам российского и ближе подходящий к

¹ О биографии В.Г. Масловича см.: [69].

словенскому и Несторову. <...> Чехи имеют свою обширную литературу; наш язык не менее к тому способен. Ежели б в программе (журнала. – В.К., Т.В.) было об этом упомянуто, то число пренумерантов было бы весьма значительно в Малороссии и даже в самой России возрастало бы час от часу [69. Т. 2. С. 773–774].

В любом случае сосредоточение местных интеллектуальных сил, обретавших возможность собственного голоса, плодотворно работало на формирование нового образа Малороссии как одного из потенциальных культурных центров империи. Так, постоянными сотрудниками украинских журналов являлись писатели, ученые и критики европейской образованности – А.А. Палицын, И.Е. Срезневский, Р.Т. Гонорский, И.Ф. Вернет, а страницы изданий наполнялись переводами античных авторов, В. Шекспира, Данте, Ф. Петрарки, И.Г. Гердера, И.И. Винкельмана, Ф.Р. Шатобриана, Ж.Ж. Руссо. Замечательной чертой изданий выступала эстетика, новые пути в которой прокладывали опыты Р.Т. Гонорского («Кое-что о нашей художественной прозе и русской словесности вообще», «Краткое начертание теории подражательной гармонии слова», «Кое-что о переводе Вергилиевых георгики русским гекзаметром», отдельно изданная работа «О подражательной гармонии слова» и др.), статьи Н.И. Гнедича («О вкусе и его влиянии на словесность»), Е.М. Филомафитского («Опыт по двум способам (систематическому и аналитическому) судить и оценивать верно эстетические произведения как древних, так и новых стихотворцев»), публикации Г.Г. Гесс-де-Кальве, автора первого в России труда по музыкальной эстетике («Теория музыки» 1818 г.)¹. «Украинский вестник» в статье Г.Г. Гесс-де-Кальве и И.Ф. Вернета (1817. Ч. 6. Апрель. С. 106–119) открыл для местной и имперской публики имя Г.С. Сковороды, ставшее вскоре одним из знаков отечественной философской мысли [75]. Привлекала украинских авторов и немецкая классическая философия И. Канта, Ф.В.Й. Шеллинга, И.Г. Фихте, с которой знакомил ряд статей И.Г. Шада, А.И. Дудовича, В.Н. Каразина, П.П. Гулак-Артемовского, П.И. Ковалевского и др.) [76. С. 102–111; 77. Т. 3. С. 29–44]. Не менее насыщенным выступал и научный раздел, где, например, А.И. Дудрович опубликовал статью «О животном магнетизме» (Украинский вестник. 1818. Ч. 9–11), едва ли не первую, открывшую эту популярную в дальнейшем тему, где И.Е. Срезневский попытался найти новые, гердеровские по духу, подходы к мифологии (Славянская мифология, или О богослужении руском в язычестве // Украинский вестник. 1817. № 4, 5), предвестия мифологической школы, где П.А. Затепиский, стажировавшийся у П.С. Лапласа и А. Гумбольдта, просвещал публику в началах астрономии (Украинский журнал. 1824. № 19–21).

Подобный контекст имперско-европейской культуры позволял в новом ключе осмыслить региональные особенности, восприняв их не как знаки провинциальности, архаической вторичности, но как черты национальной специфики, проявляющиеся в истории, языке, фольклоре и в итоге в народном характере. Утвердившийся образ Украины как истока русской культуры помогал легко встраивать эти элементы в общую панораму историко-

¹ Подробнее об уровне и новаторских тенденциях украинской эстетики начала XIX в. см.: [72. С. 107–191; 73. С. 12–117; 74. С. 38–47].

этнографических разысканий, активно развернувшуюся в 1800–1820-е гг. под действием руссоистско-гердеровских, а затем и романтических концепций, проводником которых часто выступали украинцы. Так, для О.М. Сомова еще в 1817 г. Малороссия в «Письме украинца из столицы» представляла в провинциальном ракурсе, воплощая социокультурное измерение регионализма, но уже к 1823 г. она описывалась в статье «О романтической поэзии» как особая историческая и природная сфера, полная национального своеобразия – одновременно российского и местного:

Но сколько различных народов слились под одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими. Сколько разных обликов, нравов и обычаев представляются испытующему взору в одном объеме России совокупной. Не говоря уже о собственном русских, здесь являются малороссияне с сладостными их песнями и славными воспоминаниями; там воинственные сыны тихого Дона и отважные переселенцы Сечи запорожской: все они, соединяясь верой и пламенной любовью к Отчизне, носят черты отличия в нравах и наружности [78. С. 86].

В утверждение этого взгляда на Украину О.М. Сомов мог опереться на мощную традицию местной историографии и этнографии первых десятилетий XIX в.

Литература

1. Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Authonomy: Imperial Absorbtion of the Hetmanate 1760–1830s. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
2. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
3. Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. Київ, 2001.
4. Каннелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850. Edmonton: CIUS Press, 1985.
6. Голубенко П. Україна і Росія в світлі культурних взаємин. Київ: Дніпро, 1993.
7. Raeff M. Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century // Ukraine and Russia in their Historical Encounter / ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin. Edmonton: CIUS Press, 1992.
8. Лосиевский И.Я. Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков: ОКО, 1993.
9. Шарф К. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое лит. обозрение, 2012.
10. Дашкевич Я.Р. Берлін, квітень 1791 р. Місія В.В.Капніста: її передісторія та історія // Український археографічний щорічник. 1992. Т. 4, вип. 1.
11. Капнист В.В. Собрание сочинений: в 2 т. М., 1960.
12. Чена А.І. // Українська радянська енциклопедія. Т. 12. Київ: Головна редакція УРЕ, 1985.
13. Омельченко В. Рід Полетик // Український історик. 1967. № 1–2.
14. Брайчевський М.Ю. Максим Берлинський та його «Історія міста Києва» // Берлинський М.Ф. Історія міста Києва. Київ: Наукова думка, 1991.
15. Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960;
16. Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004.

17. Киселева Л.Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.
18. Французская республика. Конституция и законодательные акты / под ред. и со вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1989.
19. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zu Französicher Revolution. Fr. a. M., 1962.
20. Plattner M.F. Rousseau and the Origins of Nationalism // The Legacy of Rousseau / ed. by C. Orwin and N. Tarcov. Chicago: Chicago University Press, 1997.
21. Melzer A. Rousseau, Nationalism, and the Politics of Sympathetic Identification // Educating the Prince: Essays in Honor of Harvey Mansfield / ed. by M. Blitz and W. Kristol. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2000.
22. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое лит. обозрение. 2008. № 91.
23. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
24. Земскова Е.Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
25. Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985. Вып. 645.
26. Bittner K. Herderische Gedanken in Karamsins Geschichtsschau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Jg. 7. München, 1959.
27. Bittner K. Herder und Radiscev // Zeitschrift für slawische Philologie. Heidelberg, 1956. Bd. 25. H. 1.
28. Bittner K. Herder und Derzavin // Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein: Festschrift zum 80. Geburtstag von E. Otto. Berlin, 1957.
29. Жукова Е.П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000.
30. Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. М.: Наука, 1980.
31. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. В. Михайлова. М.: Наука, 1977.
32. Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия; Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
33. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
34. Лаишук А. Наполеон. Походы и битвы, 1796–1815. М.: Эксмо, 2004.
35. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Наука, 1991.
36. Мусиенко С.Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX века (на примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: Индрик, 2004.
37. Гончар С.В. Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура. Гродно, 2010.
38. Лукашевич А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы междунар. науч. конф. Минск, 2002.
39. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1 (1801–1815 гг.). М.: Госполитиздат, 1967. Т. 5.
40. Письмо великого князя Александра Павловича Лагарпу от 27 сентября 1797 г. // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов: Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 1.
41. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
42. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4.

43. *Миллер А.И.* История понятия нация в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2.
44. *Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб.: Алетейя, 2006.
45. *Миллер А.И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // *Imperium inter pares*: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: Новое лит. обозрение, 2010.
46. [Мартос А.И.] Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806–1812 // Русский архив. 1893. Т. 7.
47. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* «Странное политическое сомнение» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации России. М., 2012.
48. *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. October. Vol. 21. P. 333.
49. *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
50. *Space and place: theories of identity and location* / ed. by E. Carter, J. Donald, L. Squires. London: Lowrence and Wishart, 1993.
51. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
52. *Идентичность* как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177–216.
53. *Бодянский О.М.* Предисловие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1848. Т. 1, ч. 2.
54. *Замечания* до Малой России принадлежащие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1848. Т. 1, ч. 2. С. 51–53.
55. *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993.
56. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793–1914. М.: Новое лит. обозрение, 2011. С. 169–226.
57. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 82–98, 510–521.
58. *Корчмина Е.С.* Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010.
59. *Багалеи Д.И.* Основание Харьковского университета (1802–1805 гг.) // Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 1 (1802–1815 гг.). Харьков, 1893–1898.
60. *Егоров А.Д.* Лицеи России: Опыт исторической хронологии. Кн. 2: Лицей Князя Безбождко. Иваново, 1994.
61. *Kohut Z.E.* The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and its Integration into the Russian Nobility // *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / ed. by I. Banac and P. Bushkovitch. New Haven, 1983.
62. [Полетика В.Г.] Записка о начале, происхождении и достоинстве малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою // Киевская старина. 1893. № 1. Прил. С. 7–8.
63. [Каразин В.Н.] Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразиним, испросившим высочайшее соизволение на основание в городе Харькове университета // Вестник Европы. 1803. Ч. 10, № 15. С. 235–238.
64. *Манн Ю.В.* Смысловое пространство гоголевского города // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996. С. 391–401.
65. *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 101–110.
66. *Нахимов А.Н.* Просветители // Русская старина. 1880, №11. С. 732 (публикация Г.С. Чирикова).
67. *Михайлин І.Л.* Харківська журналістика 1810–1820-х років // Михайлин І.Л. Історія української журналістики XIX століття: Підручник. 2-ге вид., доп. і поліпш. Київ: Центр навчальної літератури, 2003. Ч. 2. С. 32–79.

68. Полякова Ю.Ю. Русские литературно-художественные журналы Харькова XIX–XX веков (попытка перечисления) // Союз писателей. 2005. № 1 (6). С. 220–229.
69. Парамонов А.Ф. Из утраченных лиц: Харьковский баснописец В.Г. Маслович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lubotin.com/people/maslovich.html> (дата обращения: 15.12.2012).
70. [Маслович В.Г.] От издателя // Харьковский Демокрит. 1816. Янв. С. 2–3.
71. Украинский журнал. 1824. № 1.
72. Яценко М.Т. У пошуках життєвих засад естетики і літературної критики // Яценко М.Т. Питання реалізму і позитивний герой в українській літературно-естетичній думці першої половини XIX ст. Київ, 1979. С. 107–191.
73. Федченко П.М. Літературна критика на Україні першої половини XIX ст. Київ: Наукова думка, 1982. С. 12–117;
74. Полякова Ю.Ю. Зарождение харьковской театральной критики (по страницам журнала «Украинский вестник») // Universitates. Наука и просвещение. 2005. № 4. С. 38–47.
75. Воздвиженский В. Густав (Густав Адольф) Густавович Гесс-де-Кальве – первый венгерский биограф Г.С. Сковороды // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 31. Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/voszdvizhensky31.shtml> (дата обращения: 06.01.2013).
76. Радіонова Н.В. Журнал як форма соціокультурної комунікації на Слобожанщині XIX століття // Мультиверсум: Філософський альманах. Київ, 2005. № 50. С. 102–111.
77. Мамалуй О., Абашиник В. Рецепція філософії по-харківськи (Біля джерел університетської філософії в Харкові) // Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія. Харків, 1994. Т. 3.
78. Сомов О.М. О романтической словесности. СПб., 1823.